

Руслан Арсланов

ДУАЛИТИ

Руслан Арсланов

ДУАЛИТИ

«Автор»

2026

Арсланов Р.

ДУАЛИТИ / Р. Арсланов — «Автор», 2026

Эта книга не о космосе. Не о войне. Не о власти. Хотя всё это в ней есть. Что будет, если подростка, лидера уличной банды беспризорников, вырвут со дна социальной иерархии? Насильно возвысят. Дадут статус. Вручат в руки силу и власть, которых он никогда не хотел. Матей выжил на улице благодаря уму и жёсткости, приобретённой за годы скитаний в мире, где корпорации стали государствами, занимающими звёздные системы. Власть и ресурсы строго поделены, а стабильность держится на страхе. Каждый зависит от каждого — и никто не может выйти из игры. Этот мир называется Консорциум. Но теперь его ждёт новое имя. Новая жизнь. Всё, чего он был лишён. Кроме одного. Права быть собой. Книга пропитана приключениями, жестокостью мира и философской глубиной. Она не даст вам ответов. Она даст вам вопросы, которые останутся с вами после последней страницы. И вы будете думать о них. Долго. Потому что «Дуалити» — это зеркало того, что ждёт наш мир. Власть имущие переходят черту.

© Арсланов Р., 2026

© Автор, 2026

Руслан Арсланов

ДУАЛИТИ

Глава 1

«Дуалити»

Пролог.

Они называли это Золотым Веком Разума. Но разума не нашего - машинного. Сотни лет прогресса Земных корпораций в области разработки нейросетевых протоколов, увеличения вычислительных мощностей ИИ до небывалых значений, позволило Нам решить множество загадок мироздания. То, что казалось эфемерным, далеким и необъяснимым, стало реальным. Машинный разум разгадал для нас тайны квантовой пены, а научные теории о роли сознания в нашем мироздании стали фактом, подарив ключи от вселенной. Величайшим из ключей стал вакуумно-каверный двигатель – возможность рвать ткань пространства и шагать к другим звездам за мгновение.

Шаг был сделан. И, как всегда, Мы взяли с собой свое старейшее ремесло. Позитронные системы аннигиляции, способные стирать материю с лица реальности, стали логичным завершением эпохи чудес. Новый мир – новая война. За новую систему – новое истребование.

Позитронный Апокалипсис был недолгим. Длился он ровно столько, чтобы навсегда стереть с карт Старую Землю, Марс, Венеру, Луну. Оставить после них лишь клубящиеся облака элементарных частиц и вечный, немой вопрос в радиоэфире.

Когда пыль от фундаментов Солнечной системы улеглась, уцелевшие на колониальных мирах посмотрели в бездну, которую сами и создали, впитав костями ужас содеянного, они нашли в ней единственную возможную формулу выживания. Не мир. Не доверие. Не прогресс.

Взаимный Гарантированный Кризис. Хрупкий, безумный, совершенный баланс тотальной зависимости. Где сила одного – в уязвимости другого. Где стабильность всех – в постоянной угрозе краха для каждого.

Так родился Консорциум. Наш дом. Наша тюрьма. Наша единственная надежда.

— Доктор Девиси Чандрашекхар, «Хроники Эпохи Пепла», фрагмент. Записано со слов выживших на станции «Утар-Прадеш-7». Ориентировочная дата описываемых событий: 3500 лет до эры Консорциума.

ОТЧЕТ О ЛИКВИДАЦИИ БАЗЫ «КИНЖАЛ»

Оперативник: Позывной «Дикий»

«ПОЛЕВОЙ АНАЛИЗ:»

Систематические разрушения. Каждый экзоскостюм, для горнодобывающих работ, вскрыт лобовым кинетическим проникновением. Пилоты вырваны из своих капсул. Оторванные конечности, вырванные через пробоины.

Сканирование дронов — ноль результатов. Ни энергоследов, ни биомаркеров. Прошло слишком много времени. Никаких предположений...

Внезапный разворот — сработал инстинкт. Напрягся, затем расслабился. Иллюзия? Вероятность наблюдения сохраняется.

Экипаж ликвидирован. Похоже за внезапную зачистку.

В шлюзе при осмотре скафандра — аномальные микрочастицы. Неизвестный материал. Идеальная геометрия. Запах озона с органикой. Тело среагировало раньше сознания.

ФОРМАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ:

База уничтожена. 47 человек погибли. Многочисленные травматические ампутации. Применено неизвестное оружие. Обнаружены аномальные следы. Рекомендую карантин, повышенную готовность «Легио», анализ «Монолитом». Уровень угрозы — экзистенциальный.

В кабинете Верховного Директора

В зеркальной галерее, воздух был тихим и прохладным, как дыхание самой планеты. Обширное пространство, отделанное полированным базальтом и тёмным, почти чёрным деревом цвета венге, звуковые демпферы поглощали звуки, не давая эху гулять по галерее, оставляя лишь шелест собственных мыслей и потрескивание пламени в огромном камине. Огонь плясал за кварцевым стеклом, отбрасывая живые, трепещущие тени на идеально отполированный пол и низкие потолки, украшенные геометрической инкрустацией из матового металла.

По обе стороны от камина, от пола до потолка, зияли панорамные окна — не просто иллюминаторы, а целые провалы в стене, смотрящие в никуда. Сейчас в них бушевала погода спутника Кратт-Секундус. Небо, затянутое тяжёлым, свинцовым пологом туч, простиралось до самого горизонта, сливаясь с зубчатыми вершинами хвойных лесов внизу. Дождь — не стихийный ливень, а контролируемое, но от этого не менее мрачное явление — стекал по оконному бронестеклу жидкими, извилистыми ручьями, искажая вид на величественную и угрюмую, синеватую зелень гигантских хвойных массивов простирающихся на сотни километров. Иногда в глубине туч вспыхивала тусклая молния, на миг освещая причудливые очертания летающих дронов-лесников, снующих между исполинских стволов, похожих на стальные иглы.

Напротив камина, погруженные в глубокие кресла, сидели двое мужчин. Кресла, как и всё здесь, были образцом лаконичной роскоши Кратта: каркас из чёрного дерева, обтянутый плотной, матовой кожей цвета воронёной стали. Они не стремились обнять или убаюкать — они предлагали опору для прямой спины и ясного ума.

В правом кресле, слегка откинувшись, но не теряя воинственной собранности, сидел Николай Аскеров. Его фигура, даже в расслаблении, казалась высеченной из гранита — широкие плечи, прямой торс, могучие руки с чёткими сухожилиями, лежащие на подлокотниках. Лицо, освещённое снизу огнём и сверху холодным светом из окна, было картой жёстких решений: высокий, прямой лоб, глубоко посаженные глаза серого цвета, в которых мерцали отражения пламени, словно в них горел тот же холодный, аналитический огонь. Тонкие, плотно сжатые губы, прямой нос, резко очерченный подбородок. На нём был простой тёмный костюм из плотной ткани, без знаков отличия, но сшитый с такой безупречной точностью, что сам по себе являлся униформой власти. Он смотрел не в огонь, а сквозь него, взгляд устремлённый в какую-то внутреннюю, невидимую другим точку расчёта.

В кресле слева от него, в похожей, но чуть менее напряжённой позе, находился Лука, Великий Канцлер. Он был ровесником Николая, хоть и выглядел старше. Время наложило на его облик отпечаток не усталости, а отточенной десятками лет пребывания на второй по значимости должности в корпорации-государстве, кристаллизованной мудрости. Его седые, коротко стриженные волосы отливали серебром в свете камина, а лицо с высокими скулами и орлиным носом хранило спокойствие недоступное большинству обывателей. Глаза, тёмные и пронзительные, наблюдали за Николаем, а не за бурей за окном. В его осанке чувствовалась не воен-

ная выправка, а интеллектуальная дисциплина – спина прямая, с идеальной аристократичной выправкой была символом его дисциплины. Его одежда, тоже тёмная и лишённая украшений, казалась мягче, старше, словно впитавшей в себя запах пергамента и тихого напряжения ночных совещаний.

Между ними, на низком столе из того же тёмного венге, стояли два широких бокала из тяжёлого хрусталя. В них плескался «Глоток Кроноса» – выдержанный крепкий напиток янтарного цвета, дистиллированный из корней редких хвойных деревьев Кратт-Секундус и настоянный на минералах местных скал. Его аромат был сложным – дым, хвоя, холодный камень и едва уловимая сладость выжженного солнцем дерева. Николай взял свой бокал, пальцы уверенно обхватили массивную ножку, и он сделал небольшой глоток, не отрывая взгляда от невидимой цели. Лука последовал его примеру, поднеся бокал к губам, но его жест был более созерцательным, словно он сначала пробовал аромат, а затем – вкус и вес слов, которые предстояло сказать.

Тишину нарушало лишь тройное бормотание: глухой, размеренный гул систем жизнеобеспечения дворца, настойчивое постукивание дождя по бронестеклу и тихое потрескивание пламени в камине, пытавшегося, но не способного прогнать холодную, металлическую ауру власти, наполнявшую комнату.

Николай Аскеров наблюдал за голограммой планеты «Ксилос-7», где три города-улья пылали алым светом. Его лицо оставалось невозмутимым, но в глазах читалась холодная решимость.

— Тридцать процентов населения, — произнес он ровным голосом ставя бокал на поручень кресла. — Достаточная масса, чтобы преподать урок. Когда уличные толпы увидят цену мятежа, остальные семьдесят процентов задумаются. Танковы подождут — сначала нужно показать последствия нарушения порядка.

Лука, изучая данные через нейроимплант, покачал головой:

— Но статистика показывает, что 94% протестов — реакция на действия семьи Танковых. Они уволили ключевых администраторов, заморозили социальные программы...

— Причина не оправдывает следствие, — холодно парировал Николай. — Если каждый начнет решать проблемы через погромы, митинги, забастовки - система рухнет. Сначала — демонстрация последствий, затем — наказание виновных.

В этот момент тяжелая, огромная дверь бесшумно отъехала. В проеме возникла Кира. Её высокая, мускулистая фигура в безупречной форме была воплощением дисциплины. Светлорусые волосы собраны в тугий пучок, взгляд прямой и ясный.

— Верховный, — её голос был ровным и четким. — На «Инфернус-Прайм» идентифицированы два кандидата. Номер пять и двадцать три. Полные досье в «Анимусе».

Николай кивнул, его внимание мгновенно переключилось:

— Лука?

— Оба соответствуют параметрам, — тот продолжил изучать данные. — Но номер пять демонстрирует статистически редкие показатели: 98% совпадения по всем параметрам.

— Приоритет за номером пять, — заключил Николай. — Кира, готовьте вылет.

Он снова посмотрел на горящие города:

— Операция на «Ксилос-7» откладывается. Сначала оценим кандидата, затем — демонстрация силы населению и замена Танковых. — Его пальцы провели по проекции. — Пусть мятежники наслаждаются иллюзией победы. Скоро они увидят, как быстро тает их решимость перед лицом порядка.

— Корабль будет готов через шесть часов, — доложила Кира.

— Начинаем с будущего, — сказал Николай. — Прошое может подождать. Но недолго.

Глава 1.

Мерцающий свет аварийных фонарей выхватывал из полумрака ржавые стены, покрытые подтеками конденсата и масла. Воздух в тесном коридоре сектора F-7 гудел от низкого гулко-го грохота работающих где-то глубоко под полом насосов. Борис Гнида, высокий и широкоплечий, с правильными чертами лица и короткими темными волосами, пятился по узкому проходу, задевая спиной за свисающие кабели.

Из вентиляционных решеток над головой с лязгом посыпались ржавые хлопья. Первая фигура появилась из темного бокового ответвления — тощий подросток с арматурой в руках. Затем еще один, с самодельным электрошокером, искрящимся синими разрядами. И еще. Они выходили молча, только скрежет шагов по металлическому полу нарушал гулкую тишину.

«Призраки Вентилей» окружали банду Бориса плотным кольцом. Матей вышел вперед, его лицо было холодным и неподвижным.

— Ты продал нам эти два квартала за восемь тысячи кредитов, Гнида, — голос Матея резал тишину как маленький острый нож. — Твои люди три дня следят за нашими схронами. Вчера пытались вскрыть хранилище в старом рекластерном отсеке.

Борис попытался улыбнуться, но получилось лишь подергивание губ:

— Это недоразумение, Матей... Мы просто...

— Я еще могу понять, то, что ты пытаешься украсть мое имущество, вопреки договоренности. Но то, что твои тупорылые морды, которых ты называешь своими «парнями», привлекают внимание Арбитров. Каждый незапланированный вызов арбитров стоит мне тысячу кредитов, — перебил его Матей. — Я плачу, чтобы они смотрели в другую сторону, ради спокойного ведения бизнеса. Ты... ты решил что, я - лох?

В глазах Бориса, на долю секунды, отразилось холодное пламя инстинкта. Не договариваться. Не умолять. Бежать. Его взгляд метнулся к единственному разрыву в кольце «Призраков» — узкому техкоридору справа, откуда доносился нарастающий гул вентиляционных турбин. Проход был тесен, в нём мог пройти лишь один человек. И он был за спиной у самого молодого и щуплого из «Призраков», нервно сжимавшего арматуру.

У Бориса не было выбора. Было только окно, которое закроется через мгновение.

— БЕЖИМ! — его крик, хриплый от адреналина, разорвал напряжённую тишину.

Борис не побежал сам. Он толкнул в спину ближайшего своего парня — здоровенного детина по кличке Бык — прямо на того щуплого «Призрака». Столкновение было грубым и неожиданным. Бык, оглушённый толчком, рухнул на подростка, сбив его с ног и на миг завалив собой проход. Это был не манёвр, а акт животного предательства, использование тела своего же человека как тарана и щита.

В коридоре вспыхнул хаос. Крики, лязг металла, искры от электрошокера, впустую бьющего в стену. Борис, пригнувшись, рванул за падающим Быком, буквально перепрыгнув через клубящуюся массу тел. Его пятка со звонким стуком прилась по лицу его же подчинённого, но Борис уже не слышал ни крика, ни хруста. В ушах стоял только белый шум паники.

Он влетел в техкоридор. Воздух здесь был горячим, густым от вони перегретой смазки и гудел, оглушая, как внутри реактора. Красные аварийные лампы мигали в ритме, от которого сходили с ума. Борис бежал, спотыкаясь о сваленные катушки кабеля, его широкие плечи задевали стены, сдирая ржавчину и оставляя на тёмной ткани пиджака светлые полосы.

Сзади раздался ещё один душераздирающий крик — кто-то из его людей не успел. Потом короткий, влажный звук и глухой стук тела о металл. Борис не обернулся. Его мозг, суженный до точки, обрабатывал только данные для выживания: впереди Т-образный разветвитель.

Левый путь ведёт в тупик с заваренным люком. Правый — к шахте лифтового блока, который давно не работал, но в котором была аварийная лестница.

Первый удар пришелся неожиданно — арматура со свистом рассекла воздух и обрушилась на Бориса. Тот с грохотом рухнул, крича от боли.

— Ничтожество, лежи и не вставай! — крикнул один из «Призраков», он нацелил шокер на Бориса. В это время основная группа «призраков» привела его сообщников. Все они были побиты и едва держались на ногах. Борис отступал, спотыкаясь:

— Подожди! Я верну деньги! Я...

Удар самодельной алюминиевой битой по колену заставил его замолчать. Он рухнул, хватая ртом воздух. Матей стоял над ним, его глаза были пусты.

— Ты не просто украл у меня деньги, Гнида. Ты украл чье-то будущее. Искренне надеюсь, что ты понимаешь это.

Избиение продолжалось недолго, но методично. Когда «Призраки» закончили, на полу остались лежать двадцать искалеченных тел. Матей в последний раз взглянул на Бориса, чье лицо превратилось в кровавое месиво.

— Забирайте их оружие. Дубины, ножи, кредиты, инфо и галобраслеты, снимайте всё — всё, что представляет ценность, — голос Матея был холоден и практичен. Он наблюдал, как его «Призраки» быстро и эффективно обшаривали карманы поверженных противников.

— Макс, — Матей повернулся к рыжему подростку, — узнай, кто из арбитров покрывал эту вылазку Гниды. Предложи ему половину от того, что он получал от Бориса. Если откажется... напони ему о тех двух патрульных, что исчезли в прошлом месяце в секторе F-12.

Затем он жестом подозвал Златана. Тот подошел, его мощная фигура заслонила мерцающий свет фонарей. Златан был на полторы головы выше Матея, с широкими плечами и квадратным лицом, которое было присуще, скорее колхознику, с аграрных миров Деметры. На руках Златан носил толстые стальные перстни, сделанные под его огромные пальцы, которые росли из еще более внушительных ладоней.

— Территория на тебе, к вечеру вернись — тихо сказал Матей. Златан лишь кивнул, кулак его сжал тяжелую, самодельную дубину.

Матей, убрав руки в карманы и двинулся вглубь лабиринта переходов. Его путь лежал через самые заброшенные секторы улья. Он шел по бесконечным металлическим галереям, мимо заваренных аварийных люков и опечатанных помещений. Где-то вдали слышался скрежет механизмов, а с потолка капала маслянистая жидкость.

Он миновал местный рынок — место, где торговали краденными деталями и контрабандным программным обеспечением, информацией, планшетами, аугметикой, экзотическими животными с разных планет. На каждом перекрестке располагались так называемые «наливайки». Там, чернорабочие фабрик и заводов улья, выпивали после тяжелого рабочего дня и снимали себе на ночь местных девок. Матей проходил перекрестки длинными спокойными шагами, осматривая вывески витрин, которые были просто выставкой вкусовщины и безвкусицы, от неоновых вывесок, до разукрашенных мелками досок, иногда гостей зазывала голограмма, которая убеждала проходящих, что лучше, чем в их «наливайке» их никто не напоит. Местные продавцы контрабанды улыбались, провожая Матея взглядами. Все знали лидера «Призраков», он и его банда были постоянными, невероятно стабильными клиентами и поставщиками информации, программного обеспечения и разного рода запрещенки, в виде чипов нейростимуляции, которые были невероятно популярны у мазахистов, так как доставляли невероятную боль, не причиняя ущерба телу.

Повернув за угол, Матей оказался перед ничем не примечательной дверью в конце тупикового коридора. Дверь была из грубого металла, покрытого слоем ржавчины и граффити. Над ней тускло горела неоновая вывеска с одной перегоревшей буквой «Д».

Сделав глубокий вдох, Матей толкнул дверь. Она поддалась с тихим скрипом, открывая путь в другое пространство — мир, который кардинально отличался от всего, что он знал до этого.

Дверь с тихим скрипом отворилась, впуская Матея в совершенно иной мир. Воздух здесь пахл потом, кожей и антисептиком — резкий контраст после маслянистой мглы тоннелей. Пространство зала было просторным, с высоким потолком, где тускло горели несколько светильников. Весь пол покрывали потертые маты, в некоторых местах протертые до дыр. Вдоль стен стояли тяжелые боксерские груши, а в углу лежала куча спортивного инвентаря.

В центре зала стоял Гио. Мужчина лет пятидесяти, статный, сохранивший военную выправку. Его седые волосы были коротко стрижены, смуглое лицо украшала могучая борода, а в уголках глаз залегли лучики мелких морщинок. На нем была простая серая футболка и штаны из прочной ткани, но каждый его мускул говорил о силе и дисциплине. Когда он повернулся к Матею, его взгляд был подобен сканеру — быстрым, оценивающим, ничего не упускающим.

— Опоздал на четыре минуты, — произнес Гио. Его голос был низким, хриловатым, но каждое слово звучало четко. — Пятьдесят челноков. Бегом.

Матей молча кивнул и начал бег от одного края зала до другого, и бежал быстро, так как мог получить еще двадцать за лень. Пока он бежал, Гио наблюдал за его движениями, за работой ног, за дыханием. После кругов Матей, тяжело дыша, остановился перед тренером.

— Пошли на лапы — скомандовал Гио.

Матей, забинтовал руки, перчатки надевать не стал, он знал, что Гио не нравятся, его тренировки для уличных драк, по этой причине Матей перчатки при работе по лапам, никогда не надевал. Гио никогда не запрещал Матею так делать понимая, что без таких навыков, мире в котором живет Матей, по другому не выжить. Матей принял боксерскую стойку. Гио подошел ближе и начал поправлять его положение: поднял плечи и скорректировал положение рук.

— Так, начинай аккуратно, не перегружай сразу связки — сказал Гио, поднимая лапу, чтобы принять удар.

Они начали с работу на лапах. Гио надел толстые, самодельные лапы, сшитые из толстой кожи и начал отдавать команды:

— Как обычно – джебы с каждой стойки.

Матей наносил удары, стараясь соблюдать технику. Гио то и дело поправлял его:

— Не замахивайся! Прямая траектория! Ноги работают! Джеб должен быть тяжелым, таким, чтобы соперник сразу ощутил, через что ему придется пройти, чтобы достать тебя! Руки у тебя длиннющие, джеб – твое копье, используй его, чтобы контролировать дистанцию.

— Меняй стойки, бей жестче, так чтобы рука болела.

После работы на лапах Гио вызвал одного из старших учеников — крепкого парня лет пятнадцати.

— Спарринг. Три раунда по две минуты. Работай головой, Матей. Не лезь напролом.

Матей надел перчатки и шлем. Первый раунд прошел в разведке. Партнер Матея был старше, сильнее и тяжелее, но Матей успешно использовал свою скорость и подвижность. Он работал передней рукой, меняя стойки, уходил от атак, старался контролировать дистанцию. Когда спарринг-партнер пытался сблизиться, Матей ставил кулак ему в лицо, менял стойку на противоположную стойке соперника, делал зашагивание своей передней ногой, за переднюю ногу соперника, и пробивал прямой в голову или хук в корпус.

Во втором раунде противник начал давить. Силовой удар прошел по блоку, отозвавшись глухой болью в предплечье. Матей ответил серией ударов в корпус, но пропустил встречный хук. Звон в ушах, вспышка перед глазами.

— Думай! — крикнул Гио со стороны. — Он сильнее тебя, не суйся! Не принимай его игру!

В третьем раунде спарринга Матей изменил тактику. Он начал постоянно двигаться, меняя ритм и направление атак. Использовал обманные движения, заставляя противника промахиваться. За минуту до конца раунда он провел чистую комбинацию: хук в корпус и кросс в голову. Удар был точен, и противник на мгновение потерял концентрацию. За тем он сменил стойку, сделал резкий рывок вперед, шагнул своей передней ногой за переднюю ногу соперника, и пробил мощный левый кросс прямо между рук бедолаги, заставив его упасть на задницу.

— Стоп! — скомандовал Гио. — Хватит.

Матей тяжело дышал, пот стекал по его лицу. Гио подошел к нему.

— Отлично, отлично! Браво! Но, ты сильно открылся, когда после смены стоек делал это зашагивание, делая замах для удара от пояса, Матей. Будь на его месте кто-то более опытный, с более острыми рефлексам и чувством момента, ты был бы нокаутирован. Нужно быть сконцентрированным от начала и до конца боя. А до этого тебе еще годы тренировок.

— Очень жаль, — выдохнул Матей.

— Ладно, мешок, пока свободен. Завтра будем работать над ошибками. Перекусите, отдохните и на маты.

Матей направился к скамейке, чувствуя приятную усталость в мышцах. Разматывая бинты он задумался, что в этом месте, он на короткое время мог почувствовать, что находится в там, где его не подстерегает опасность, где все подчинено определенным правилам и порядку. И в этом был свой особый смысл. Матей задумался и понял, что нигде и никогда, он не испытывал такого спокойствия, как во время тренировок и спаррингов.

В перерыве парни перекусили тем, что принесли с собой, тех, кому приносить было нечего, Гио кормил солдатским сухим пайком, запас которых был неисчислимым, а все эти «богатства» были отложены за тридцать пять лет службы.

Гио молча осмотрел своих подопечных. Без лишних слов он приступил к делу. Разминка началась с ушей. Он велел им хорошенько размять ушные раковины, растирая мочки и хрящи до ощущения жжения, объясняя, что мягкие, «разогретые» уши меньше ломаются и рвутся. Затем он перешел к пальцам, заставляя с хрустом выгибать и прокручивать каждый сустав, повторяя, что сила хвата кроется в гибкости.

Когда тела были подготовлены, Гио вызвал вперед Виталий и дал ему инструкцию, что надо делать при определенных командах. Виталий понимающе кивнул.

— Первая ситуация. Защиту от проходов тут умеют делать все, все умеют откидывать ноги назад в позицию спролл. Представили, что находимся в позиции на сопернике, его голова в районе нашего живота, его шея в районе груди. — Гио дал Виталию сигнал, и тот сделал низкий проход в ноги, но Гио защитился, и показал позицию из которой будет проходить прием. — Отрабатываем захват головы Соперник рвется назад, — его голос был ровным и четким. — Не мешай ему.

Он дал сигнал Виталию продолжать движение, атаку или попытку выйти. В момент, когда парень изо всех сил потянул голову назад, Гио не стал сопротивляться. Вместо этого он мгновенно ослабил хват и резко шагнул вперед, в сторону движения Виталия. Пока тот, не встретив ожидаемого сопротивления, инерционно отклонился назад пытался поймать баланс, Гио быстро присел, обхватил обеими руками его бедра чуть выше колен и, мощно выпрямляя ноги, толкнул его вперед, полностью лишая опоры и впечатывая в мат.

— Не тратьте силы на его удержание. Чуть отпустите его, дайте ему иллюзию того, что стоит ему сильнее дернуться назад и он сможет выбраться и контратаковать, — пояснил Гио. — В момент его сильнейшего рывка, ты сильнее ослабляешь хват, в этот момент, вероятнее всего, он потеряет баланс, после чего остается только включить ноги и сделать мощный проход в две ноги. Быстро и низко.

— Вторая ситуация. Та же история с проходом — Он опять кивнул Виталию и тот снова сделал проход, и Гио снова отзащищался, плотнее обхватил шею — здесь мы можем провести несколько вариантов удушки, первая – анаконда. Чтобы вам провести этот прием, нужно сначала подавить сопротивление соперника, лишит его опоры — Гио просунул свою левую руку глубже под горло Виталия так, что кисть Гио показалась в области левой подмышки парня, а за тем, с помощью правой руки, закрыл замок, после чего Гио продолжил объяснение: — за тем, после того как вы сделали замок с захватом через руку, вам нужно сделать «лампочку», которую мы с вами отработывали ранее, но важно, не просто заставить его коснуться лопатками ковра, но и законтролировать его на земле, не дать ему нащупать опору. — Гио резко перевернулся вместе с Виталием, так что оба оказались лицом вверх. — За тем, усиливаете давление на шею через рычаг — Мышцы Гио едва напряглись и Виталий сразу постучал.

После того, как Гио показал прием, он расставил парней в пары и заставил отработывать. Матей тяжело было защититься спроллом, так как его партнер был, по обычаю, старше и сильнее его. Однако, как только Матей подстроился и привык к силе и балансу, все наработки Гио стали получаться. Длинные и худые конечности Матея идеально подходили для выполнения приемов.

Через час отработки, когда все были максимально вымотаны. Гио всех прервал и снова позвал Виталия для отработки.

— Еще одна интересная ситуация. Если у вас получилось взять голову соперника, во время драки или спарринга в клинч, то у вас будет возможность перевести бой на землю.

Гио, обхватив шею Виталия двумя руками, резко потянул его голову вниз и на себя, заставляя того согнуться и перенести вес на носки. Не останавливаясь, он сделал длинный шаг левой ногой по дуге вперед и в сторону, заставляя свою стопу встать прямо за стопами Влада. В тот же миг, перенося вес тела на выставленную ногу, он мощно потянул голову и корпус Влада через свое бедро. Влада, наткнувшись на неподвижную опору, перевернулся в воздухе и грохнулся на спину. Старайтесь так же найти момент, когда соперник максимально неустойчив, например в момент, когда он делает боковое смещение. Гио хлопнул в ладони и на секунду молча осмотрел всех парней.

— 40 минут отработка, потом на канаты, вам всем уже пора забираться до потолка не используя ног, но многие из вас, до сих пор этого не могут — резюмировал Гио, окидывая взглядом группу детей и подростков. — Я надеюсь, что сегодня вы постараетесь исправить эту досадную ситуацию.

Тяжелый, насыщенный потом и усилиями воздух медленно остывал. Последние ученики покинули зал, и теперь лишь глухой гул вентиляции нарушал тишину. Матей молча взял швабру и начал методично водить ею по покрытым слоями пота, борцовским матам. В это время, в зал с ведром и шваброй вошел Гио. Он взглянул на Матея, удивленно подняв бровь.

— Два года хожу к тебе, — голос Матея прозвучал глуховато в пустом зале, — а так ни разу и не спросил... Откуда этот зал? Парни рассказывали, что ты был крутым борцом в свое время, кто тебя тренировал?

Гио, не глядя на него, поставил ведро на место.

— Верно, не рассказывал. Но и ты не оставался раньше помочь мне прибраться.

— Признаю, — просто сказал Матей.

Они продолжили уборку в тишине. Тени в углах зала сгущались, наползая на стены, увешанные потрепанными плакатами.

— Тренировался у Илии Дзадзари, — внезапно начал Гио. — Двукратного олимпийский чемпиона Консорциума по дзюдо. А его отец, Реваз Дзадзария — Гио на мгновение замолчал, — он был чемпионом Единого Бойцовского Турнира Консорциума в полусреднем и среднем весах. Пока не встретил величайшего Магомеда «Джанко» Дайнукова. Тот забрал пояс и защищал его десять лет подряд. Илия мой отец, а Реваз мой дед, соответственно.

Он уперся руками в швабру.

— Отец пророчил мне судьбу спортсмена, тренировал меня с самых малых лет, я выигрывал десятки турниров среди детей, юношей, и когда мне исполнилось шестнадцать лет, он заявил меня на взрослый турнир, где я сходу выиграл всех в своей весовой, отдав всего два балла. Но тут грянул Четвертый, мать его, Передел... в 18 лет, я отправился в военное училище. Дед сказал, что военное училище даст мне отсрочку от возможной мобилизации, и на войне я, по крайней мере буду на «теплом» месте. Связей отца и деда, а так же баллов, которые получил на экзаменах хватило только, чтобы поступить на факультет межзвездных перелетов. Не самое безопасное местечко, в контексте конфликта, где фракции делили каждый камень в космосе. В училище продолжал бороться — выигрывал сначала турниры среди военных вузов и академий, а потом и армейские турниры призами были медали, солдатские сухпайки и увольнения. Месячный запас сухпайка за первую победу и три дня увольнительной. За полтора десятилетия активного участия в подобном, скопилось не мало пайков, — Гио хрипло усмехнулся. — До сих пор не могу на них смотреть, а кормлю вас, голодных щенков, уже который год — взгляд тренера устремился куда-то вдаль.

Они закончили уборку и обработали все маты, канвас ринга и инвентарь антисептиком. Его сильный запах, забивал ноздри. Матей с Гио вышли из зала наружу, чтобы не сойти сума от синтетической вони антисептика. Снаружи шел дождь. Нижние уровни улья были оснащены генераторами погодных условий, которые создавали определенный климат на уровнях имитируя то палящее солнце, то легкий летний бриз, а иногда и снег с дождем.

Стоя на улице, под большим навесом, который располагался прямо над входом в зал.

— Гио, а как ты вообще пришел к тому, чтобы тренировать? Вот здесь, в этом зале...

Гио молча смотрел на дождь, его лицо в тусклом свете неона казалось высеченным из камня.

— На флоте я тренировал солдат и офицеров, — начал он ровным, глуховатым голосом. — Рукопашный бот, физическая подготовка. Это была часть службы. Тысячи офицеров прошли через мои курсы по рукопашному бою и самообороне. А потом... потом родился сын.

Он замолчал, будто собираясь с мыслями.

— Назвали Леваном. Мать Левана... умерла, когда ему было два года. Редкое заболевание легких, не поддавалось лечению стандартными способами, оно высушило и уничтожило ее тело меньше, чем за месяц. Была вакцина на центральных мирах, но она ее не дождалась... Так он и остался со мной. Рос на корабле, потом на орбитальной базе... Я его тренировать начал, как только он ходить научился.

В голосе Гио впервые появились теплые нотки, тут же погасшие.

— Ты не представляешь каким талантом он был. Настоящим гением борьбы. В десять лет уже такие приемы, которые иные мастера за жизнь не осваивают. В шестнадцать его без экзаменов взяли в военную академию, чтобы он представлял ее на объединенных студенческих играх Консорциума. В двадцать он уже был звездой, готовился к отбору на Олимпиаду Консорциума...

Гио сжал кулаки, его костяшки побелели.

— А потом он подхватил ту же легочную инфекцию, что и мать. Сгорел за пару месяцев. В двадцать пять лет. — Он резко выдохнул. — Сразу после этого я подал в отставку. Скопил за службу приличные выплаты, получил не плохую пенсию и открыл этот зал. Уже десять лет тренирую здесь уличных пацанов. Может, хоть кого-то получится с пути кривого свернуть.

Матей молча слушал, глядя на залитые дождем улицы. В его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— После того, как мама умерла, а тетка выставила меня на улицу... — он говорил тихо, почти без интонаций. — Жизнь одинокого восьмилетки, на нижних уровнях улья, может закончиться очень быстро, ты и сам это знаешь. Лучше кривой путь Гио, чем вообще отсутствие пути.

Гио повернулся к нему, и в его взгляде читалась неподдельная тревога.

— Слушай, парень. Тебе нужно покинуть эту планету. В армии или на флоте с твоей смекалкой ты мог бы...

— Я не представляю себя солдатом, — перебил Матей. — Быть чьим-то инструментом, выполнять глупые приказы глупых людей... не мое.

Он кивнул на прощание и шагнул из-под навеса в колючие струи. Вода тут же начала заливаться за воротник. Пройдя несколько метров, он взглянул на инфобраслет. Два пропущенных сообщения от Златана.

Первое: «Матей, я в четвертом схроне. Тут какая-то херня творится, все датчики перестали работать. Иду посмотреть что там».

Второе: «Тут точно кто-то есть. Матей, он не один. Я постараюсь уйти сам, не ходи за мной в од...».

— Черт! Черт! — вырвалось у Матея, и он сломя голову бросился вдоль темной улицы, на ходу активируя связь.

Пока он бежал, в голове пронеслась горькая мысль: «Черт, как же все это не вовремя».